

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4)
EDN [RBVNPI](https://edn.rbnpi.ru)
УДК 323.2

В. С. Слобожникова^{1,2}

¹ ГАУГН

² РГГУ

Москва, Россия

ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ НЕНАВИДЕТЬ (ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения к российской реальности, которая приобрела особую значимость и стала фактором общественно-политической жизни в современной России. Варианты возможного отношения выявлены на основе отечественной политической мысли. Автором раскрыты особенности обращения к теоретическому наследию мыслителей прошлого: актуализация из теоретического наследия того, что соответствует «злобе дня»; «выхватное цитирование»; анализ наследия прошлого без учёта контекста современного состояния науки, в частности разработок социопсихологии и герменевтики. Обращение в конкретизации отношения к российской реальности к периодам 30–40-х гг. XIX в. и 20–30-х гг. XX в. фиксирует отношение автора к ним как самым сложным с позиции самоопределения мыслителей. Более подробно в статье представлен широкий спектр возможного отношения к реальности в России в 30–40-е гг. XIX в. Официальная власть настаивала на бессознательно доверительном понимании патриотизма. Этой позиции было противопоставлено уничтожение/ненависть к России (П. Я. Чаадаев, В. С. Печерин). Широкое распространение в прогрессивной среде получила позиция, наиболее ярко выраженная, по мнению автора, А. И. Герценом и В. Г. Белинским (люблю, но не животно, по привычке, а сознательно, разумно, и многое в России безмерно ненавижу). Анализируя отношение к современной российской реальности, автор полагает необходимым обратиться к теоретическим разработкам солидаризма и агонизма, учитывать социально-политические изменения, произошедшие в России, и современную иерархию противоречий в контексте глобализационных процессов в мире и место и роль в них нашей страны.

Ключевые слова: политическая мысль России, российская реальность, патриотизм, Герцен, Белинский, русское зарубежье

Для цитирования: Слобожникова В. С. Любить нельзя ненавидеть (отношение к российской реальности в политической мысли) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 44–55. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4). EDN [RBVNPI](https://edn.rbnpi.ru)

Введение. 2022 год перед каждым россиянином, вне зависимости от социального статуса, должности, образования и многого другого поставил вопрос об отношении к России. Именно сегодня как никогда чувствуется связь времён и вписанность современников в многовековую историю страны. Россия всегда, но точно последние два века, вызывала и вызывает разные чувства у её народа и отдельных его представителей. И сейчас можно встретить всю гамму чувств: от восторгов, обожания и слепого оправдания всего и вся до ненависти. Каждое новое поколение для себя отвечает на вопрос: как относиться к российской реальности, своей Родине, что такое патриотизм, любовь

к ней. Особую остроту эта проблема приобретает в кризисных ситуациях, в периоды радикальных перемен. Ответы на эти вопросы особенно важны для российского самосознания и нашей ментальности, так как в духовной сфере нашего народа они всегда находились на одном из важнейших мест, поэтому их можно выявить, как на бессознательном уровне в рамках массового сознания, так и на глубоко теоретически обоснованном, что находит выражение в общественно-политической мысли. В рамках данной статьи мы обратимся к теоретическому уровню разработки проблемы отношения к российской реальности.

Особенности подходов обращения с теоретическим наследием. Оценки политической мысли России, как и самой реальности вмещаются в амплитуду от уничтожения до восхищения. В. Г. Белинский в 1840-е годы высказывал веру в то, что наступят времена, когда на весы мировых достижений поместят русскую мысль, а в начале 1990-х годов её смысл оценивался, как невротическая реакция на Запад [1, с. 57]. Вопрос о том, как относиться к российской реальности, стал частью интеллектуального интереса с «Повести Временных лет» и «Слова о Законе и Благодати» Иллариона и существует до сих пор. По сути, с бегства А. М. Курбского в Речь Посполитую и трех оправдательно/объяснительных писем к Ивану Грозному, который ответил двумя письменными обличениями/объяснениями, эта проблема с XVIв. персонально актуализировалась. Линия отношения к российской реальности в истории отдельными эпизодами включена в различные социо-гуманитарные науки и их субдисциплины. Например, политологи обращаются к этим сюжетам в рамках Истории политических учений. Для социологов и культурологов значима, например, судьба П. Сорокина. За последние 30 лет чрезвычайно продуктивным стало обращение к проблематике «русского зарубежья».

Полагаем, что многолетнее изучение истории политической мысли России и преподавание этой учебной дисциплины политологам позволяет высказать несколько наблюдений об особенностях подходов в обращении с теоретическим наследием прошлого и в анализе рассматриваемой проблематики. Во-первых, это актуализация из теоретического наследия того, что соответствует «злобе дня». Ярчайшим примером могут служить оценки мыслителей СССР. Позитивно оценивались только представители радикального направления; например, петрашевцы были однозначно записаны в революционеры, а В. Г. Белинский попал в предтечи российской социал-демократии и революционеры. В тоже время консерваторы наделялись крайне негативными характеристиками. Пренебрежительное и уничижительное отношение к радикальному и либеральному направлениям общественно-политической мысли широко распространено в общественно-политическом дискурсе современной России. Необходимо отдавать себе отчёт, что у каждого времени свои вызовы, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Но, с другой стороны, такой подход лишает понимания вариативности развития, его прогностики, использования отдельных находок, к какому бы идеологическому направлению они не относились, опыта анализа конкретно-исторической реальности с разных позиций.

Во-вторых, этот подход можно определить, как «выхватное цитирование». Особенно это широко распространено для выделения бед России, её характеристики в негативном плане и выходе на широкий уровень обобщения в этом русле рассуждений. Как иначе объяснить завидную периодичность актуализации уничижительной части отношения к России, изложенной в первом

Философическом письме, в наследии П. Я. Чаадаева? Именно этот подход использовался и используется в «борьбе за мыслителей», в отнесении того или иного мыслителя к конкретному политико-идеологическому направлению. Особенно активно эта борьба на теоретическом фронте разворачивалась на рубеже XIX–XX вв., времени ожесточённого противостояния консервативной, либеральной и радикальной политических идеологий [1, с. 11].

В-третьих, незнание контекста современного состояния науки или намеренное ускользание от него. Иногда складывается впечатление, что не было исследований З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма и других социопсихологических исследований, которые призывают обращать внимание на роль субъективного фактора, психологической детерминанты в отношении мыслителей к реальности с позиции, например, жизни/созидания и смерти/разрушения. Не говоря уже о таком направлении в философии, как герменевтика, настаивающей на внимании к контексту, в котором создавались сочинения, и личности автора, так как только такой подход позволяет разобраться в истинных смыслах, заложенных в сочинениях.

В России проблематика отношения к реальности и её оценки тесно связаны с патриотизмом. Непосредственно с выходом на конкретные личности и расширение круга тех, которые должны определиться, история патриотизма и теоретическое осмысление его разновидностей в России продолжается уже третий век (с начала XIX века). С позиции общественно-политической актуализации проблемы отношения к российской действительности, на наш взгляд, в политической мысли России можно выделить два самых ярких периода: 30–40-е гг. XIX в. и 20–30-е гг. XX в.

Отношение к российской реальности в 30–40-е гг. XIX в. и 20–30-е гг. XX в. Обращение к первому из названных периодов объясняется несколькими причинами. Во-первых, это действительно был один из самых критических периодов в истории России, так как страна переживала системный кризис, требовались структурные реформы. Во-вторых, Запад с его «открытия» Петром I стал объектом притяжения для российского общества. Период правления Николая I (1825–1855 гг.) не являлся исключением, даже наоборот, Европа в его царствование частью образованного общества воспринималась как глоток свежего воздуха, центр науки и культуры, и не только западниками, но и славянофилами. В-третьих, в эти годы впервые тема отношения к России, её прошлому, настоящему и будущему разрабатывалась на теоретическом уровне, стала предметом споров, серьёзного столкновения различных позиций, составной частью интеллектуальной жизни страны. Трудность анализа избранной темы связана с тем, что многие, любя Отечество, не писали об этом. Например, для славянофилов любовь к своей стране была основополагающим чувством в отношении к России, не требующим объяснений и доказательств.

Восстание декабристов проблему отношения к России превратило в важнейший фактор общественно-политической жизни. Представив свой вариант любви-самопожертвования ради процветания Отечества, они буквально заставили общество заняться ею. Каждый, так или иначе, должен был ответить на вопрос: что значит любить Россию. Поставленный в практическую плоскость ответ на него оказался не так прост, как казалось на первый взгляд, тем более что антиабсолютистское и антикрепостническое движение дворян расширило спектр понятия служения Отечеству. В 1830–40-е гг. ещё два наиболее ярких события актуализировали тему отношения к внутреннему положению в России: появление на страницах журнала «Телескоп» в 1836 г. первого «Философи-

ческого письма» П. Я. Чаадаева и выход в свет книги маркиза Кюстена «La Russie en 1839».

Отношение к Отчизне в России 30–40-е гг. XIX в. понималась по-разному, вменяясь в амплитуду от полного приятия российской действительности до ненависти. Официальная власть настаивала на бессознательно доверительном отношении. Понимая шаткость своего положения в глазах образованной части общества, одним из первых определила свою позицию именно она. Сформулированная С. С. Уваровым (1786–1855 гг.) и получившая статус государственной идеологии «теория официальной народности» в ответе на этот вопрос была чётка, однозначна и прямолинейна. Наиболее ярко выразил позицию власти начальник III отделения Канцелярии его Императорского Величества А. Х. Бенкендорф (1783–1844 гг.). Его выражение – «Прошедшее России было удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» – сегодня приводится даже как крылатое выражение¹. Патриот России должен был быть православным, почитать царя как отца родного. Только так российскому образованному, ищущему ответы на сложные вопросы, думающему обществу предписывалось любить Отечество, относиться к его настоящему, прошлому и будущему и в таком духе о нем писать, и не иначе. Не допускалось даже малейшее критическое отношение к деятельности правительства. Народ должен был безоглядно доверять власти и не мешать ей вести Россию к светлому, процветающему будущему. Следует признать, что большая часть общества разделяла эту позицию. Однако часть образованного общества не устроила официальная трактовка любви к Отечеству, которая получила определение «квасного патриотизма» (выражение принадлежит П. А. Вяземскому (1792–1878 гг.)²) [2, с. 629].

В 1830-е гг. обществу была представлена позиция П. Я. Чаадаева (1794–1856 гг.) – «желчного» отношения к России³. С точки зрения отношения к российской реальности и стране в целом, обращают на себя внимание ряд утверждений, приведённых в Философическом письме. Страна живёт «лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя», она «все ещё» открывает «истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых». Россия миру ничего не дала, ничего у мира не взяла. Но, пожалуй, самое главное то, что «в крови у нас есть нечто, отвергающее всякий прогресс. ...мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» [3, с. 321–330]. Даже эти приведённые короткие выдержки из письма, на наш взгляд, дают представление об общей направленности оценок России, данных Чаадаевым. Завершается письмо словами: «Я должен был показаться вам желчным в отзывах о родине: однако же я сказал только правду и даже ещё не всю правду» [3, с. 338]. Словари русского языка к определению «жёлчный» относят множество синонимов, в том числе «язвительно-злойный» «раздражительный», «озлобленный», «саркастичный»⁴. Полагаем, что есть основания охарактеризовать отношение к России Чаадаева в 1830-е гг., как уничтожительное⁵.

¹ Цит. по: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2289/Прошедшее (дата обращения 13.12.2022).

² Впервые это выражение употреблено П. А. Вяземским в 1827 г. в «Письме из Парижа», напечатанном в «Московском телеграфе». 1827 г., ч. XY, № 11, отд. 1, с. 232.

³ Первое Философическое письмо было написано в 1829 г. и опубликовано на страницах журнала «Телескоп» в 1936 г.

⁴ Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56046> (дата обращения 25.01.2023).

⁵ При этом автор не умаляет достоинств этого мыслителя, его вклада в интеллектуальную историю России.

На наш взгляд, мысли, высказанные Чаадаевым, были навеяны не только интеллектуальными размышлениями и результатом глубоких теоретических обобщений. К этим выводам нас привело несколько факторов. Изучение последующих его работ и их оправдательный характер. Написано письмо было в 1829 г., когда Чаадаев переживал глубокий внутренний психологический кризис из-за невозможности уехать в Европу, из-за неопределённости дальнейшей судьбы, материальных проблем. На мироощущении в определённой мере отразилось и плохое самочувствие. Не последнюю роль, с нашей точки зрения, сыграли и тогдашнее состояние исторической науки (она проходила период становления), и уровень образования автора, знания прошлого страны.

Наиболее ярко, по нашему мнению, даже гипертрофированно, в 1830-40-е гг. чаадаевская линия в отношении к России нашла отражение во взглядах В. С. Печерина (1807–1885 гг.), выходца из дворян Рязанской губернии, который блистательно в 1831 г. окончил Петербургский университет и был его доцентом и профессором, публиковал в столичных журналах статьи, стихотворения и переводы. Именно на эти десятилетия приходились драматические события в его жизни, которые были описаны в автобиографическом труде с характерным названием «Замогильные записки». Он признавался, что определённых политических убеждений до поездки в Европу, которую «совершил без всякой разумной цели», у него не было, но вернулся в Россию с ужасной тоской и глубоким отчаянием, так как «невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить», «даже высшего разряда умы чахнули и неминуемо гибли под нестерпимым гнетом». Участь жизни для Печерина стала зависеть «от последней книжки, вышедшей из парижских салонов», но тем не менее, несмотря на неустойчивость и переменчивость взглядов, он хотел безотлагательного практического осуществления каждой новой мысли. Душевные муки для Печерина, по его признанию, начались с момента, когда душа наполнилась всепоглощающей ненавистью, которую он называл «подругой» и «супругой», когда он «покаялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему ...окужавшему», когда он стал лелеять «это чувство, как любимую супругу», когда ненависть стала его «насушным хлебом», «божественным нектаром», которым он «ежеминутно упивался». Для Печерина стало «сладоотно отчизну ненавидеть! И жадно ждать её уничтожения». Уход, в буквальном смысле слова, из России он объяснял чувством самосохранения, стремлением убежать из России, как «из зачумлённого города». С 1836 г. четыре года он скитался по Западной Европе, принял католичество и стал монахом, а потом священником в Англии [4, с. 148–311]. На наш взгляд, выбор Печерина лежал вне сферы глубокого теоретического обоснования, он был сделан из-за психологического неприятия ситуации в России, идеалистического, наивного представления о возможности реализации собственных желаний в общественно-политической сфере и стремления обеспечить своё существование в Европе.

Знакомство с Европой, сравнение её с Россией не только обогащало интеллектуально, но и было серьёзным испытанием для психики и вероисповедания некоторых представителей российского образованного общества. Так, на протяжении 30 лет после возвращения в Россию в 1826 г. мечтал уехать в Европу П. Я. Чаадаев, останавливало только отсутствие средств на поездку. «Русским» городом в то время была Вена, в ней состоятельные покупали дома, селились, поменявшие вероисповедание на католичество. Учитывая имеющиеся материалы, можно предположить, что религиозный выбор Печерина

и апологетика католицизма Чаадаева в «Философических письмах» лежали более в психологической плоскости, нежели в интеллектуальной.

На фоне мировоззренческой позиции В. С. Печерина яснее ощущается гражданское мужество мыслителей России, которые выступали с критикой святая святых официальной системы и церковной организации страны, оставаясь жить в России. Напечатанное письмо Чаадаева стало поводом для обсуждения обществом прошлого, настоящего и будущего России, в целом, и проблемы патриотизма, в частности. Вокруг этих вопросов развернулись ожесточённые споры. Следует отметить, что абсолютное большинство российского образованного общества в оценках России не согласилось с Чаадаевым. Ему, например, резко ответил А. С. Пушкин (1799–1937 гг.): «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории её, ни славы её. Но не похвально ему за русскую ласку мараить грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцов» [5, с. 182]. Обращает на себя внимание, что самое резкое неприятие Пушкина вызвало неуважение Чаадаева к истории страны, её прошлому. По мнению поэта, уважение к минувшему отличает образованность от дикости. Многие современников оскорбила не только хлёсткая характеристика России, но и идеализация Запада, католицизма, его цивилизующей роли.

В 1840-е гг. обсуждение проблемы отношения к реальности вновь актуализировалось в связи с выходом в свет в 1843 г. книги маркиза Кюстена, к которой давались крайне негативные характеристики России. По свидетельству Отчёта III отделения и корпуса жандармов она «произвела всеобщее негодование и самое лучшее впечатление на тех, которые имели случай читать эту дерзкую клевету». Император, прочитав книгу, бросил её об пол со словами: «Моя вина, зачем я говорил с этим негодяем» [6, с. 96]. В отличие от Николая I, А. И. Герцен (1812–1870 гг.) назвал эту книгу «самой значительной и умной книгой, написанной о России иностранцем» [6, с. 118].

Герценовские чувства отличались от чаадаевского отношения к Родине, о чем красноречиво свидетельствуют следующие его слова: «Да, я люблю Россию. ... Но моя любовь – не животное чувство привычки; это не тот природный инстинкт, который превратили в добродетель патриотизма; я люблю Россию, потому что я её знаю, сознательно, разумно. Есть также многое в России, что я безмерно ненавижу, всей силой первой ненависти» [7, с. 221]. Эта позиция (люблю, но не животным, по привычке, а сознательно, разумно, и многое в России безмерно ненавижу) получила широкое распространение в обществе, особенно среди разночинцев.

Наиболее глубокие теоретические рассуждения об отношении к Родине, с этой точки зрения, и, пожалуй, самые несовпадающие взгляды в разные периоды жизни представлены в наследии В. Г. Белинского (1811–1848 гг.), блестящего литературного критика, писателя, публициста. Для него Россия – это, во-первых, единство языка, единство характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать их, во-вторых, единство религии и образа правления, в-третьих, родовое сходство в образе внешней жизни, и, наконец, семейное сходство физиономии. «Это сходство, это единство, это родство», – писал он, – «священны, потому что основание их плоть и кровь, как первосущные (субстанциальные) формы духа». Поэтому, с его точки зрения, «космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление». Человек, для которого где хорошо, там и родина, «существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека». Измена своему отечеству, предательство родины, по мнению Белинского, – «самое

страшное преступление, потому идея государства священна», а «Предательство отечества – преступление против нравственности» [2, с. 331, 332].

На рубеже 1830-40-х гг. Белинский переживал глубокий теоретический кризис, преодолевал «примирение с действительностью», источником которого стало оригинальное толкование философии Гегеля [8, с. 56–57]. На наш взгляд, именно чувство любви к Родине стало толчком, помогло преодолеть кризис, выработать новый взгляд на Россию, новую теоретическую и жизненную позицию. В 1840 г. в его письме другу В. П. Боткину можно прочесть: «Любовь моя к родному, к русскому стала грустнее: это уже не прекраснотушный энтузиазм, но страдальческое чувство. Все субстанциональное в нашем народе велико, необъятно, но определение гнусно, грязно, подло» [9, с. 529].

Белинский выделял национальные пороки двух родов. «Субстанциональные» – «выходящие из субстанционального духа, с ними нация рождается, их отвержение иногда может нации стоить жизни». «Прививные» – «являются следствием несчастного исторического развития и разных внешних и случайных обстоятельств, это нарост, их преодоление освобождает нацию от безобразия и страдания». Исходя из этих теоретических рассуждений, Белинский выработал новое отношение к российской действительности: «Мы далеки от того, чтобы думать, что наша национальность была верх совершенства: под солнцем нет ничего совершенного; ...» [10, с. 128]. Какие же пороки существуют в России? Полагаем, что Белинский считал, что «субстанциональных» пороков в нашем отечестве нет, так как писал: «...наши национальные недостатки не могут нас унижить перед благороднейшими нациями в человечестве». Вот чего в России с избытком так это «прививных» пороков. О них, по его мнению, «необходимо говорить громко» [10, с. 128]. Именно в этом он видел смысл истинного патриотизма, искренней любви к родине: «...Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному...» [11, с. 46]. «Указать же на истинный недостаток общества», с точки зрения Белинского, – «значит оказать ему услугу, значит избавить его от недостатка» [11, с. 87]. Принципиальное значение для его понимания отношения к реальности имеет вывод об отсутствии в нашей стране «субстанциональных» пороков. Свой долг перед Россией он видел в вскрытии недостатков – «прививных» пороков.

С конца 1830-х гг. Белинский однозначно выступил против официальной позиции. «Квасных патриотов» не устраивало расставание со стариной, принятие нового. Мнение, широко распространённое в России, что «все иностранцы невежи, а мы образованнейшие люди», он назвал «нелепым, квасным патриотизмом», присоединившись к характеристике, данной П. А. Вяземским [2, с. 290]. Камнем преткновения в споре с официальной властью стало отношение к Европе, её достижениям. По наблюдениям Белинского, обвинения в подражательности иностранному, под разными формами, повторяются в России уже более пятидесяти лет [12, с. 47]. В этом споре у Белинского сложилась вполне определённая точка зрения. «Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, – писал он, – что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания страны... национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми»

[12, с. 45]. В умении перенимать достижения других народов Белинский видел «хорошую черту нашей национальности» и даже «залог нашего будущего величия и уж, разумеется, не унижения, а превосходства над англичанами» [10, с. 127]. «Мнимые патриоты до того простирают невежественный фанатизм свой, – писал критик, – что в образованной части русского общества видят чуть не ренегатов, чуть не вырожденков, в которых нет ничего русского, и выставляют им, как достойный подражания образец неиспорченной русской национальности, неопрятную и грязную чернь» [12, с. 46]. Критик в противовес официальной позиции на страницах печати в статьях, рецензиях отстаивал своё право вскрывать недостатки, говорить о пороках современной России, это, с его точки зрения, не противоречит любви к родине.

В наследии В. Г. Белинского мы находим развёрнутое понимание национальной гордости. Он различал понятия «оскорблять» и «гордиться, говоря правду», объясняя их смысл следующим образом: «Отрицание или унижение субстанции народа, национальности в истинном значении этого слова, есть оскорбление народа..., но нападки ...на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм»; «Что я люблю всем сердцем, всею душой, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушным, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и сильнее ненавижу дурное» [10, с. 127]. Чувство национальной гордости критик считал «высоким и благородным, залогом истинного достоинства», оно не имеет ничего общего с «национальным хвастовством и щекотливостью» [10, с. 127].

К числу «ложных патриотов», на наш взгляд абсолютно несправедливо, Белинский относил славянофилов, не принимая того, что они связывали историю древних славян с настоящим и будущим России. Должно было пройти лет 15 напряженной интеллектуальной работы, прежде чем западник К. Д. Кавелин признал некоторые положения славянофилов, а в исторической науке почти 150 лет, прежде чем между официальной позицией и славянофилами некоторые учёные перестали ставить знак равенства [8, с. 14–16]. В 1840-е же годы отношения между западниками и славянофилами были, мягко говоря, напряженными. У западников, в целом, и у Белинского, в частности, было в определённой мере предвзятое отношение к прошлому России и неприятие её настоящего. Они принимали только её светлое будущее.

В целом, любовь к родине в России 30–40-е гг. XIX в. понималась по-разному, вмещаясь в амплитуду от полного прития российской действительности до ненависти. Как свидетельствуют изученные первоисточники, интеллектуалы напряженно работали над определением позиции по отношению к российским реалиям в контексте обсуждения прошлого, настоящего и будущего России. Правительство настаивало на бессознательно доверительном понимании патриотизма. Часть образованного общества отличалась степенью ненависти к недостаткам, существовавшим в стране. Чувство полной всепоглощающей ненависти наиболее ярко представлено во взглядах В. С. Печерина. С точки зрения ретроспективы, патриотизм интеллектуалов этого времени оказался действенным, подготовив реформы 60–70-х гг. XIX в. и прежде всего отмену крепостного права.

Следующий пик актуализации проблемы отношения к России пришёлся на 20–30-е гг. XX в. «Русское зарубежье» раскололось в этом вопросе и представляло широкий спектр мнений, так как определялись по отношению к Советской России и большевикам/коммунистам, как её творцам. И опять ненависть к большевикам веховцев, вера в будущее России сменовеховцев и евразийцев. Сменовеховцы акцентировали внимание на реалистическом госу-

дарственном строительстве, укреплении власти. Они пытались преодолеть противостояние правых и левых, признали власть большевиков, часть из них идеализировала Советскую власть. Диктатура большевиков оправдана, так как власть, использовавшая стихию массы, на втором этапе неизбежно должна навести жёсткий порядок. Заслуги большевиков перед Россией сменовеховцы видели в том, что они покончили с экономическим и политическим хаосом, укрепили государственность, защитили страну от интервенции. Советы – действительно народная власть, учитывающая и выполняющая требования народа. С победой большевизма с революционным экстремизмом в России покончено, открывается перспектива быстрого и мощного эволюционного процесса. Советская власть самотрансформируется, так как вынуждена опираться на пролетариат и крестьянство. НЭП они рассматривали как эволюцию революции. Главное избавить Советы от коммунистического элемента. Трансформация будет осуществляться путём «обволакивания эволюционирующего ядра власти», движущей силой которого станут советские, профсоюзные, хозяйственные работники и Красная Армия. Некоторые теоретические положения сменовеховцев стали в СССР составной частью национал-большевизма [13, с. 82-89].

Заключение. Вынесенные в заголовок статьи смыслы, с точки зрения филологии, предполагают 2 ответа: или «любить, нельзя ненавидеть», или «любить нельзя, ненавидеть». Эти ответы запрограммированы восприятием характера общественно-политических противоречий, рассмотрение их в амплитуде антагонистические/неантагонистические. Ответы на многие вопросы можно найти в интеллектуальном наследии прежних времён. XIX–XX вв. дали огромное количество теоретических наработок. В условиях нарастающего обострения социальных противоречий востребованными в истории России оказались прежде всего крайние позиции: радикализм в его социалистически-коммунистическом варианте и консерватизм в имперско-патриотически-монархическом. Провалился проект реализации социализма-коммунизма, и в нашей стране потеряно массовое доверие к марксизму-ленинизму-сталинизму. С 1991 г. произошли серьёзные изменения в социальной структуре общества. Сегодня очевидны успехи реализации идеи правового и социального государства. Но по-прежнему, живо радикальное неприятие власти. Это вполне вписывается в контекст слабости в России «срединной культуры» [14].

В первой половине XIX в., когда интеллектуальное общество России стало анализировать процессы, происходящие в Западной Европе, столкнувшись с классическим капитализмом и его негативными социальными последствиями, появился не только «крестьянский общинный социализм» А. И. Герцена, но и идея солидаризма. И М. М. Сперанский, и славянофилы стремились найти основы развития, которые бы не углубляли противоречия, а сглаживали, не раскалывали общество, а объединяли. Изучению солидарности посвящены работы Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, В. Парето, П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и других исследователей. Современные российские учёные также осознают ценность и необходимость для современной России солидаризма (А. Н. Неклесса, А. Н. Окара, С. Г. Кара-Мурза, Б. В. Межуев, А. В. Шубин). К анализу проблемы солидаризма и отдельных её составляющих обратились прежде всего философы, социологи, юристы. В научном сообществе возрастает интерес к теме социальной солидарности, о чем красноречиво свидетельствует увеличение количества работ по данной проблематике, что

можно проследить, обратившись к научной электронной библиотеке eLibrary.ru. На запрос «социальная солидарность» за 2005 г. система находила 7 публикаций, 2010 – 38, 2014 – 108, 2017 – 1074, 2022 – 2680.

Полагаем, что обществу следует задуматься над проблемой антагонистичности общественных противоречий, обратив внимание, в частности, на исследования Э. Лаклау и Ш. Муффа, которые в рамках постмарксистского отрицания марксизма разработали плюралистическую теорию создания значений и агонистическую теорию демократии. При определении отношения к российской реальности важно учитывать и иерархию противоречий в контексте глобализационных процессов в мире. Необходимо осознать как данность современное цивилизационное противостояние и место и роль в нем нашей страны.

В научной литературе по-разному оценивается уровень развития политической мысли России, но в чем ей со всей очевидностью нельзя отказать, так это в озабоченности судьбой Родины. У каждого интеллектуала формируются идеальные представления, но редко кому представляется возможность их реализации. Российская действительность их корректирует, подправляет. 2022 г. ознаменовался 250-летием со дня рождения М. М. Сперанского, 100-летием со дня рождения А. А. Зиновьева. При разности времён и характера российской реальности этих мыслителей объединяет любовь к России и служение ей, а им достались далеко не лёгкие времена.

Библиографический список

1. Слобожникова В. С. Научно-теоретические проблемы исследования политической мысли России 30-40-х годов XIX века / Под ред. проф. В. М. Долгова. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2001. 100 с. ISBN 5-292-02646-8.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 3: Статьи и рецензии; Пятидесятилетний дядюшка : 1839–1840 / ред. Б. И. Бурсов. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 682 с.
3. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1991. 768 с. ISBN 5-02-008075-6.
4. Печерин В. С. Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова. М. : МГУ, 1989. С. 148–311.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 7: История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники / Под общ. ред. Д. Д. Благого [и др.]. М. : Гослитиздат, 1962. 463 с.
6. Россия под надзором: Отчёты III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов // Свободная мысль. 2002. № 12. С. 96–121.
7. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 6: С того берега; Статьи; Долг прежде всего; 1847-1851 / ред. Я. Е. Эльсберг. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 549 с.
8. Слобожникова В. С. Политические идеалы мыслителей России 30-40-х годов XIX века / Под ред. проф. В. М. Долгова. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2000. 163 с. ISBN 5-292-02487-2.
9. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 11: Письма. 1829-1840 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 718 с.
10. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 5: Статьи и рецензии. 1841-1844 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 863 с.
11. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 8: Статьи и рецензии. 1843-1845 / ред. А. Г. Дементьев. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 728 с.
12. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843; Статьи о Пушкине. 1843-1846 / ред. Д. Благой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 740 с.

13. Слобожникова В. С. Эволюция политической мысли России (XI – первая половина XX веков). Саратов : Изд-во «КУБиК», 2016. 112 с. ISBN 978-5-91818-463-9.
14. Давыдов А. П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX в.) : дис. ... доктора культурол. наук : 24.00.01 / Давыдов Алексей Платонович. Москва, 2002. 561 с. EDN [QDQBHL](#).

Поступила: 31.01.2023. Принята к печати: 03.03.2023.

Сведения об авторе:

Слобожникова Валентина Сергеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории политических учений, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет.

Москва, Россия.

slvase@mail.ru

Author ID РИНЦ: [438055](#); ORCID: [0000-0002-6952-991X](#)

V. S. Slobozhnikova^{1,2}

¹ SAUH

² RSUH

Moscow, Russia

LOVE CANNOT BE HATED (ATTITUDE TO RUSSIAN REALITY IN POLITICAL THOUGHT)

Abstract. The problem of attitude to the Russian reality has acquired special significance and has become a factor of socio-political life in modern Russia. Variants of a possible relationship are identified on the basis of domestic political thought. The author reveals the features of the appeal to the theoretical heritage of thinkers of the past: actualization of the theoretical heritage of what corresponds to the “malice of the day”; “snatching citation”; analysis of the heritage of the past without taking into account the context of the current state of science, in particular the developments of sociopsychology and hermeneutics. The appeal in concretization of the attitude to the Russian reality to the periods of the 30 – 40s of the XIX century and the 20 - 30s of the XX century fixes the author’s attitude to them as the most difficult, from the position of defining thinkers. In more detail, the article presents a wide range of possible attitudes to reality in Russia in the 30–40s of the XIX century. The official authorities insisted on an unconsciously trusting understanding of patriotism. This position was opposed by humiliation/hatred of Russia (P. Ya. Chaadaev, V. S. Pecherin). The position, most pronounced, according to the author, by A. I. Herzen and V. G. Belinsky, has become widespread in the progressive environment (I love, but not animalistically, out of habit, but consciously and I hate a lot of things in Russia immensely). Analyzing the attitude to modern Russian reality, the author considers it necessary to turn to the theoretical developments of solidarity and agonism, to take into account the socio-political changes that have occurred in Russia and the modern hierarchy of contradictions in the context of globalization processes in the world and the place and role of our country in them.

Keywords: political thought of Russia, Russian reality, patriotism, Herzen, Belinsky, Russian abroad

For citation: Slobozhnikova V. S. Love cannot be hated (attitude to Russian reality in political thought). *Science. Culture. Society.* 2023;29(2):44–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.4>

References

1. Slobozhnikova V. S. Scientific and theoretical problems of the study of political thought in Russia in the 30-40s of the XIX century. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta; 2001. 100 p. (In Russ.). ISBN 5-292-02646-8.
2. Belinsky V. G. Articles and Reviews; Fifty-Year-Old Uncle : 1839-1840. In: Bursov B. I.,

- ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1953. 682 p. (In Russ.).
3. Chaadaev P. Ya. Complete works and selected letters: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1991. 768 p. (In Russ.). ISBN 5-02-008075-6.
 4. Pecherin V. S. Sepulchral notes. In: Fedosov I. A. (ed) Russian society of the 30s of the XIX century. People and ideas: memoirs of contemporaries. Moscow: MGU; 1989. P. 148–311. (In Russ.).
 5. Pushkin A. S. History of Pugachev. Historical articles and materials. Memories and diaries. In: Blagoy D. D. [et al.], eds. Complete works in 10 volumes. Vol. 7. Moscow: Goslitizdat; 1962. 462 p. (In Russ.).
 6. Russia is under surveillance. Reports of the III branch of His Imperial Majesty's own Chancellery and the Corps of Gendarmes. Moral and political report for 1844. *Svobodnaya mysl'*. 2002;(12):96–121. (In Russ.).
 7. Herzen A. I. From the Other Side; Articles; Duty First; 1847-1851. In: Elsbeg Ya. E., ed. Collected works in 30 volumes. Vol. 6. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 549 p. (In Russ.).
 8. Slobozhnikova V. S. Political ideals of Russian thinkers of the 30-40s of the XIX century. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta; 2000. 163 p. (In Russ.). ISBN 5-292-02487-2.
 9. Belinsky V. G. Letters. 1829-1840. In: Belchikov H. F., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 11. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1956. 718 p. (In Russ.).
 10. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1841-1844. In: Belchikov H. F., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1954. 863 p. (In Russ.).
 11. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1843-1845. In: Dementiev A. G., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 8. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 726 p. (In Russ.).
 12. Belinsky V. G. Articles and Reviews. 1843; Articles on Pushkin. 1843-1846. In: Blagoy D. D., ed. Complete works: in 13 volumes. Vol. 7. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1955. 740 p. (In Russ.).
 13. Slobozhnikova V. S. Evolution of political thought in Russia (XI – first half of XX centuries). Saratov: Izd-vo "KUBiK"; 2016. 112 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91818-463-9.
 14. Davydov A. P. The formation of "middle culture" in Russia: On the material of Russian literature of the first half of the XIX century: Doctor Degree Thesis. Moscow; 2002. 561 p. (In Russ.).

Received: 31.01.2023. Accepted: 03.03.2023.

Information about the author:

Valentina S. Slobozhnikova, Doctor of Political Science, Professor, Professor in Department of History of Political Science, State Academic University for the Humanities; Professor in Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. slvase@mail.ru
ORCID: [0000-0002-6952-991X](https://orcid.org/0000-0002-6952-991X)